

Д.А. Карпук

КАФЕДРА РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

В статье представлен краткий обзор истории учреждения и развития кафедры русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии. Кафедра была основана в 1869 г. и прекратила свою деятельность в 1918 г., когда столичная академия была закрыта. В течение всего этого времени кафедру поочередно занимали выдающиеся ученые протоиереи Павел Николаевский, А.В. Карташёв, Н.К. Никольский и Б.В. Титлинов. Каждый из профессоров внес свой уникальный вклад в дело развития академической кафедры и церковно-исторической науки в России.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, история Русской Православной Церкви, академический устав 1869 г., русская церковная история, церковная историография, протоиерей Павел Николаевский, А.В. Карташёв, Н.К. Никольский, Б.В. Титлинов, К.В. Харлампович.

В 1869 г. был принят новый академический устав, согласно которому при каждой из четырех духовных академий Российской империи открывались три отделения — богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Историческое отделение включало в себя кафедры библейской истории, общей церковной истории, общей гражданской истории, церковной русской истории, истории и обличения русского раскола, гражданской русской истории. В столичной академии в период с 1869 по 1918 гг. эти кафедры поочередно занимали, как правило, два-три наставника. Например, кафедру древней церковной истории с 1869-го и вплоть до 1918 г. поочередно занимали профессора И.В. Чельцов, В.В. Болотов и А.И. Бриллиантов. Кафедра русского раскола «обошлась» вообще только двумя профессорами — И.Ф. Нильским и П.С. Смирновым. Кафедры церковно-исторического отделения в столичной академии практически всегда занимали ее же выпускники. Каждый новый наставник был учеником своего предшественника по кафедре. Именно поэтому можно определенно говорить о формировании внутриакадемических церковно-исторических школ со своими особенностями и традициями¹. Выявление этих традиций, сравнение их с укладом

Дмитрий Андреевич Карпук, кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий аспирантурой и архивом Санкт-Петербургской Духовной Академии.

мысли на исторических кафедрах других духовных академий является насущной необходимостью отечественной церковной историографии².

«И он от души помянет Павла Федоровича». Профессор протоиерей Павел Федорович Николаевский (1841–1899). Согласно академическому уставу 1869 г., кафедра русской гражданской и церковной истории, которую до этого времени занимал только один профессор, была разделена на две самостоятельные кафедры. Профессор М.О. Коялович, преподававший до этого времени всю русскую историю, изъявил желание оставить за собой гражданскую историю. Эту кафедру он занимал вплоть до своей кончины в 1891 г. Коялович стал одним из выдающихся профессоров академии и крупнейшим специалистом по истории Западной России³. Что же касается вновь образованной кафедры истории Русской Православной Церкви, то руководству академии необходимо было подыскать для нее нового преподавателя. Им должен был стать выпускник академии прежних лет, с одной стороны, молодой, полный сил и энергии, а с другой — уже успевший заявить о себе как о перспективном ученом именно в области церковно-исторической. И таким кандидатом стал выпускник столичной духовной академии 1865 г., священник Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге Павел Феодорович Николаевский. Еще будучи студентом академии, Николаевский в 1865 г. написал рецензию на выпущенное Казанской духовной академией издание «Истины показание инока Зиновия Отенского». Отметив недочеты, которые были допущены при издании исторического памятника, Николаевский позволил себе поразмышлять в своем первом печатном литературном труде о том, как необходимо подходить к изданию древних текстов⁴. Кроме того, в своей рецензии Николаевский сообщил об открытом им обширном полемическом сочинении «Многословное послание против ереси Косого». Исторический материал этой статьи был настолько оригинальным и ценным, что митрополит Макарий

1. См.: Кирилл (Гундяев), архиеп. Богословское образование в Петербурге – Петрограде – Ленинграде: традиции и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник. Ленинградская Духовная академия: 175 лет. М., 1986. С. 6–34; *Иннокентий (Павлов), иером.* С.-Петербургская духовная академия как церковно-историческая школа // Там же. С. 211–268.

2. *Бычков С.П.* О термине и значении предмета русской церковной историографии // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 188–193; *Карпук Д.А.* Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской духовной академии (вторая половина XIX — начало XX веков) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2(4). С. 280–293.

3. *Шикло А.Е.* Коялович Михаил Осипович (1828–1891) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 223.

4. *Николаевский П.Ф.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия // Духовный вестник. 1865. Т. XI. С. 21.



Рис. 1. Профессор протоиерей Павел Николаевский, занимал кафедру с 1871 по 1899 гг.

(Булгаков) впоследствии полностью включил его в свою «Историю Русской Церкви» со ссылкой на отца Павла⁵.

В 1868 г. П.Ф. Николаевский в «Журнале Министерства народного просвещения» опубликовал свою магистерскую диссертацию «Русская проповедь в XV и XVI вв.», в которой, не стесняясь, выступил против утвердившегося в церковной историографии мнения. Скрупулезная проработка темы на основании первоисточников и обстоятельный анализ, продемонстрированный при изложении материала, создали Николаевскому репутацию самостоятельного исследователя⁶. А остро-

рожная, аргументированная критика устоявшихся мнений стала фирменным знаком научно-исследовательской деятельности Николаевского.

5. Троицкий И.Е. Записка об ученых трудах профессора протоиерея П.Ф. Николаевского // Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии (далее — ЖЗС СПбДА) за 1897–1898 уч. г. СПб., 1899. С. 40; Памяти протоиерея Павла Федоровича Николаевского, доктора церковной истории и ординарного профессора С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1899. С. 1.

6. См.: Цюпка И. Профессор-протоиерей Павел Федорович Николаевский и его церковно-исторические труды. Дипл. соч. Л.: ЛДА, 1985. С. 14–24.

Эти первые публикации, по мнению современников, и предопределили, с одной стороны, выбор академической корпорации, а с другой — жизненный путь и научную судьбу самого отца Павла. С 1871 г. и вплоть до своей кончины в 1899 г. Николаевский был связан практически исключительно с одной академией. Сразу после назначения на кафедру отец Павел был освобожден от должности священника Князь-Владимирского собора. 7 января 1874 г. он был определен штатным священником к церкви Свято-Троицкой Общины сестер милосердия. В 1882 г. возведен в сан протоиерея. С 1882 г. — экстраординарный профессор. В 1897 г. отец Павел по совокупности трудов был удостоен степени доктора церковной истории.

Профессор протоиерей Павел Федорович Николаевский, если судить по отзывам современников и коллег, а также по дошедшим до нашего времени его исследовательским работам, был чрезвычайно вдумчивым, осторожным и внимательным исследователем, он был предан своему делу до самозабвения. Вместо отдыха в каникулярное летнее время отец Павел в течение двадцати лет каждое лето уезжал из Петербурга в Москву, чтобы поработать в Синодальной библиотеке рукописей, Румянцевском музее, архиве Министерства иностранных дел, московском архиве юстиции. Вот как об этом вспоминает его коллега, также выдающийся профессор СПбДА, И.Е. Троицкий: «Пишущему эти строки суждено было с 1870 по 1886 г. из году в год ездить в Москву на летних каникулах для занятий в Синодальной библиотеке рукописей. Во все эти годы неизменным спутником его в этих поездках был о. Павел Николаевский. Я изучал греческие рукописи Синодальной библиотеки, он славянские и старорусские. Мы останавливались в одной гостинице; по утрам занимались в разных помещениях, а по вечерам сходились вместе, чтобы поделиться сделанными находками»⁷. В течение же учебного года профессор Николаевский посещал столичные архивы и библиотеки.

На лекциях в духовной академии проф. Николаевский с восторгом рассказывал о своих розысках в древлехранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Вот что он говорил во время лекции, посвященной учреждению патриаршества на Руси: «Причины такой неразработанности истории патриаршества заключаются в том, что материал этот отчасти раскидан в местных епархиальных архивах, затем в Москве — в московских центральных архивах: в библиотеке синодальной (бывшей патриаршей), отчасти в библиотеке синодальной типографии, потом в библиотеке архива иностранных дел, в которой заключаются богатые данные о сношениях

7. *Троицкий И.Е.* Записка об ученых трудах профессора протоиерея П.Ф. Николаевского... С. 40.

русских патриархов с восточными, далее, богатый материал заключается в музее Румянцевском; но главным источником служат бумаги патриарших приказов, которые весьма ценны для описания патриаршего периода; наконец, есть данные в архиве министерства юстиции. Все эти архивы в последнее время сделались доступными для исследования. Но исследования эти доступны для лиц, имеющих возможность съездить в Москву покопаться в бумагах, и притом если они имеют возможность пользоваться необходимыми указаниями чиновников. В этих исследованиях я могу назвать себя счастливым тем, что большую часть каникул провел в этих архивах; свитки, грамоты и проч. — все прочитано мною от корки до корки. В архиве министерства иностранных дел я весьма много занимался документами по истории патриаршества и потом просмотрел некоторые бумаги, характеризующие отношение западно-русских ученых к Москве. В архиве министерства юстиции я подробно просмотрел и изучал книги за время патриарха Никона и некоторых других патриархов; здесь я нашел весьма точные указания на известные даты и известные факты из истории Никона и вообще из истории патриархов»⁸.

Николаевский выработал свою собственную методику работы в архивах, помогавшую ему более тщательно изучать выявленные документы. Макарий (Булгаков), будучи уже митрополитом Московским, однажды выразил неудовольствие заведующему Синодальной библиотекой рукописей архимандриту Иосифу — высокопреосвященный историк был недоволен тем, что отец Иосиф выдал рукописи об учреждении патриаршества Николаевскому раньше, чем ему: «После Николаевского не осталось в них ничего интересного»⁹. Такое свидетельство маститого церковного историка говорит об основательности, с которой отец Павел подходил к своему делу. Что же касается отношения Николаевского к трудам митрополита Макария, то он открыто говорил студентам о недостатках монументального исследования владыки во время вступительной лекции об учреждении патриаршества: «Несмотря на важность данного события, оно тем не менее в нашей церковно-исторической литературе мало разработано: “Церковная история” митрополита Макария доведена до 1667 г. (XII т.), но последние главы этой истории представляют только краткий набросок. Правда, есть значительное число отдельных монографий, разрешающих разные вопросы, не раскры-

8. Николаевский П., *прот.* Лекции по русской церковной истории, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1898–1899 учебном году. СПб., 1899. С. 5–6.

9. Памяти протоиерея Павла Феодоровича Николаевского... С. 3; *Троицкий И.Е.* Записка об ученых трудах профессора протоиерея П.Ф. Николаевского... С. 41.

тые у м[итрополита] Макария, но от всех монографий получается то впечатление, что масса источников для изучения учреждения патриаршества в России не обследована и даже осталась неизвестною: у самого м[итрополита] Макария нет даже упоминания о многих исторических документах, касающихся этого события»¹⁰.

Николаевский старался обнаружить как можно больше документов по каждой из тем или периодов, за рассмотрение которых он брался, для всестороннего и максимально объективного раскрытия и освещения изучаемого вопроса. Именно этим и объясняется тот факт, что Николаевский мало печатался. Количество его публикаций за двухдесятилетний период едва ли достигнет и 30 наименований¹¹. Однако даже самый поверхностный обзор вышедших из печати его статей позволяет утверждать, что каждая из них являлась фундаментальным исследованием по заявленной теме. Кроме того, Николаевский планировал еще многое ввести в научный оборот и опубликовать после досконального изучения, но не успел этого сделать.

Отец Павел изучал рукописные памятники самым тщательным образом. Сначала он внимательно вычитывал каждую рукопись, затем в своих записях фиксировал ее содержание, выписывал характерные термины. Наиболее важные документы он переписывал дословно, делая, таким образом, копии. За двадцать лет у него скопилось очень много документов. Именно поэтому со временем, чтобы оперативно находить нужный материал, Николаевский составил алфавитный указатель к своей коллекции. Впоследствии эти материалы, как и черновики изданных и не изданных статей Николаевского перешли по наследству к его родственникам. В 1908 г. племянник профессора Б.К. Николаевский обратился в академию с предложением выкупить у него часть бумаг его дяди. Посредником тогда выступил ученик Николаевского и его преемник по кафедре профессор Н.К. Никольский. В своем письменном предложении Совету академии выкупить бумаги Николаевского Никольский отметил любопытную деталь: «Насколько позволяет судить присланная мне опись бумаг П.Ф. Николаевского, после него осталось до 20 приготовленных к печати, но неизданных, его трудов, в числе которых, как мне известно (на основании личных бесед с П.Ф. Николаевским), имеются исследования, не утратившие даже части своего значения и до настоящего времени. Было бы в высшей степени прискорбно, если бы подобные изыскания неумолимого и кропотливого историка остались

10. Николаевский П., прот. Лекции по русской церковной истории... С. 3–4.

11. Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1907. С. 304–306.

в рукописях в качестве зарытого научного сокровища»¹². Впоследствии в академию обращался и брат отца Павла Константин Федорович с предложением купить рукописи и другие материалы за 1500 рублей и картонную картотеку — за 250 рублей¹³. В конце концов часть бумаг была выкуплена, и в настоящее время они составляют собой отдельный фонд протоиерея П.Ф. Николаевского № 1186 в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Центральной темой научно-исследовательской деятельности Николаевского являлся XVII век. Именно этому периоду посвящена большая часть статей, именно этот период чаще всего становился предметом лекционного курса отца Павла¹⁴. Кроме того, Николаевский несколько раз обращался к истории Киевской митрополии¹⁵. Вместе с тем отец Павел всегда живо реагировал на современные события церковной жизни России. Автор некролога Николаевского в «Церковном вестнике» раскрыл следующий небольшой секрет: именно отец Павел являлся автором аналитических обзоров, которые в течение длительного времени ежегодно печатались в первом номере академического журнала «Церковный вестник» под заголовком «Отечественная Церковь в минувшем году»¹⁶.

Профессионализм Николаевского, а также его доброта и отзывчивость способствовали тому, что многие студенты писали свои выпускные кандидатские сочинения под руководством именно отца Павла. Один из современников так и говорил, что самый тяжелый труд, выпавший на долю Николаевского, заключался в ежегодном «прочитывании целой массы кандидатских сочинений. В 70-х годах это уже было обычное дело, что П[авлу] Ф[еодоровичу] кандидатские сочинения писала чуть не половина студентов-историков. И в последующее время, ежегодно, без передышки, приходилось ему каждую весну просиживать над кандидатскими сочинениями»¹⁷. У отца Павла было много и учеников, и почитателей. Сейчас хотелось бы обратить внимание на тот факт, что два преемника П. Ф. Николаевского по кафедре — А.В. Карташев и Н.К. Никольский — были именно его учениками.

12. ЖЗС СПбДА за 1907–1908 уч. г. СПб., 1908. С. 231.

13. ЖЗС СПбДА за 1908–1909 уч. г. СПб., 1909. С. 211.

14. *Николаевский П., прот.* Лекции по русской церковной истории... СПб., 1899.

15. См.: *Карпук Д.А.* Изучение истории Киевской митрополии в Санкт-Петербургской духовной академии в конце XIX — начале XX в. // Труды Киевской Духовной Академии. 2014. № 21. С. 168–169. Сноска 6.

16. Памяти протоиерея Павла Феодоровича Николаевского... С. 4.

17. Там же. С. 7. См.: ОР РНБ. Ф. 1186.

После кончины отца Павла в Совет академии обратилась его вдова, Александра Николаевская, с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мне хотелось бы что-нибудь сделать для студентов именем Павла Федоровича. Вам и профессорам академии известны нужды их, и я просила бы Совет профессоров взять на себя труд употребить мою эмеритурную пенсию на пособия нуждающемуся студенту, или в виде премии за сочинение. Я думаю, что человеку, собирающемуся вступить в жизнь, эти небольшие деньги дадут поддержку, и он от души помянет Павла Федоровича»¹⁸. Совет академии рассмотрел данную просьбу и постановил ежегодно вносить за одного из своекоштных студентов плату в 225 рублей (или меньше). Именно столько составляла ежегодная плата за обучение вплоть до 1908 г., когда она была увеличена до 300 рублей¹⁹. Учитывая, что пенсия А. Николаевской составляла 330 рублей год, то оставшуюся сумму в объеме 105 рублей был решено выдавать за лучшее кандидатское сочинение по истории Русской Церкви. И действительно, с 1901 по 1917 гг. премия имени протоиерея Павла Николаевского ежегодно выдавалась за кандидатские церковно-исторические диссертации²⁰. Имя Николаевского в стенах академии не было забыто — но не только из-за студенческих премий. Еще долгое время имя протоиерея Павла Николаевского оставалось для членов профессорско-преподавательской корпорации столичной академии примером научного авторитета, образцом искреннего и подвижнического, добросовестного и бескорыстного служения церковно-исторической науке.

«Поистине счастливый для академии выбор». Исполняющий должность доцента Антон Владимирович Карташёв (1875–1960). Одним из учеников профессора протоиерея Павла Николаевского был следующий преподаватель кафедры русской церковной истории — А.В. Карташёв. Сын уральского горняка, благодаря своим талантам он блестяще окончил Пермскую духовную семинарию и поступил на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию. Кандидатскую диссертацию писал под руководством профессора А.И. Пономарёва на кафедре словесности и истории русской и западноевропейской литературы²¹. Как лучший выпускник, в 1899 г. Карташёв был оставлен на год при академии в качестве профессорского стипендиата именно при кафедре русской церковной истории.

18. ЖЗС СПбДА за 1900–1901 уч. г. СПб., 1901. С. 97.

19. ЖЗС СПбДА за 1907–1908 уч. г. СПб., 1908. С. 166–167.

20. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс. ... канд. богословия. СПб., 2008. С. 247–249.

21. Пономарев А.И. Отзыв о сочинении студента Антона Карташёва на тему: «Жизнь и творения св. Иоанна Златоуста в древне-славяно-русской письменности» // ЖЗС СПбДА за 1898/99 уч. г. СПб., 1905. С. 216–217.



Рис. 2. Исполняющий должность доцента А.В. Карташёв, занимал кафедру с 1900 по 1905 гг.

до окончания текущего учебного года. В данном случае отчасти повторилась история, произошедшая при назначении В.В. Болотова на кафедру древней церковной истории, с той лишь разницей, что Болотов за отведенное ему время сумел подготовить и блестяще защитить магистерскую диссертацию.

А.В. Карташёв, будучи стипендиатом, занимался изучением церковной истории в синодальный период, т.е. той областью церковной науки, которая по вполне естественным причинам находилась еще в стадии разработки. В 1900 г. Карташёв сдал отчет о проделанной в течение стипендиатского года работе. Профессор кафедры русской гражданской истории П.Н. Жукович написал положительный отзыв, в котором, в частности, отмечал: «Выбор преемника себе, сделанный покойным П.Ф. Николаев-

Под руководством Николаевского Карташёв составил план научных занятий. Однако в 1899 г. отец Павел скончался в возрасте 58 лет — и перед Советом академии встал вопрос о замещении вакантной кафедры. Многие профессора в качестве преемника отца Павла видели именно А.В. Карташёва. Более того, Совет академии в декабре 1899 г. уже даже принял соответствующее решение, впрочем, не утвержденное митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским), который своей резолюцией постановил отложить назначение Карташёва на академическую кафедру вплоть

ским, поистине счастливый для академии выбор. <...> При своем редком по широте научно-литературном образовании, при своей спокойной умственной уравновешенности и осторожной наблюдательности, г. Карташёв обещает научного деятеля трезвого, осторожного, самостоятельного, с широким и светлым взглядом на вещи. На той академической кафедре, при которой Совету благоугодно было оставить его профессорским стипендиатом, он обещает сделаться для академии и для науки истинным приобретением»²². Однако общий комплементарный тон отзыва не должен никого вводить в заблуждение. Как кажется, профессор Жукович при его написании и произнесении немного лукавил. Впрочем, это лукавство отчасти было оправданным, т.к. все прекрасно понимали, что именно от отзыва профессора зависело, примут ли Карташёва на преподавательскую должность, или нет. Жукович несколько раз подчеркнул, что Карташёву приходилось штудировать с карандашом многочисленные работы по своему периоду, выделяя наиболее важные. И особенно сложны, по его словам, были труды Карташёва по составлению библиографического перечня монографий и статей за последние десять лет, «где ему пришлось работать без предыдущих, облегчающих поиски опытов»²³. На самом деле, если говорить именно о составлении списка, то Карташёву пришлось проработать литературу как раз только за последние десять лет. За все предыдущее время работа была уже проделана его предшественником и, как оказалось впоследствии, преемником — Н.К. Никольским. Последний, окончив академию в 1887 г., в течение еще одного года также трудился при академии в качестве профессорского стипендиата при кафедре русской церковной истории под руководством протоиерея П. Николаевского. Именно Никольский первым проработал имеющиеся источники и литературу по синодальному периоду, а его отчет, по словам отца Павла, стал самым настоящим справочником по данному периоду²⁴. Отчет Никольского был опубликован в «Журналах заседаний Совета академии» уже в 1894 г., и не зная о нем Карташёв не мог. Единственное, что ему оставалось, так это продолжить поиск и ознакомление с новой литературой. Ему даже не нужно было придумывать структуру отчета: она уже была составлена и апробирована Никольским.

22. Жукович П.Н. Отзыв о научных занятиях профессорского стипендиата Антония Карташёва по истории русской церкви в 1899–1900 учебном году // ЖЗС СПбДА за 1900–1901 уч. год. СПб., 1901. С. 9–17.

23. Там же. С. 16.

24. Никольский Н.К. Отчет профессорского стипендиата в 1887–1888 учебном году // ЖЗС СПбДА за 1887–1888 уч. г. СПб., С. 347–386.

Может быть, именно поэтому профессор П.Н. Жукович, назначенный руководителем Карташёва после кончины Николаевского в середине учебного года, позволил себе дать стипендиату дополнительное задание: «Я предложил г. Карташёву заняться еще сравнением существующих в науке общих систем русской церковной истории за все периоды этой истории. Мне казалось, что, давая г. Карташёву это новое дело, я не становлюсь в противоречие и с научно-педагогическими намерениями первого его руководителя, так как создание системы русской церковной истории также одна из церковно-исторических особенностей синодального периода»²⁵. Мы будем недалеко от истины, если скажем, что данная корректировка плана стипендиатских занятий была благотворной и чрезвычайно полезной для А.В. Карташёва. Во-первых, он смог изучить все наиболее важные курсы церковной истории, сравнить их и выработать свою собственную оригинальную программу для академического лекционного курса. Во-вторых, именно это указание П.Н. Жуковича позволило Карташёву стать одним из первых церковных историографов. Дело в том, что исследователи творчества А.В. Карташёва, а Антону Владимировичу в этом отношении повезло больше всех (если говорить о профессорах, занимавших кафедру церковной истории в столичной академии), всегда обращают внимание на опубликованную в «Христианском чтении» статью²⁶, посвященную церковной историографии: «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории»²⁷. Статья опубликована в 1903 г. Однако если взять литографированные лекции Карташёва за 1900–1901 учебный год и сравнить их содержание с текстом статьи, то сразу станет очевидно, что они полностью совпадают. Другими словами, А.В. Карташёв опубликовал в «Христианском чтении» лекционные материалы, составленные им уже несколько лет назад. Смеем предположить, что данный раздел был подготовлен именно в период стипендиатства. Таким образом, рекомендации П.Н. Жуковича позволили Карташёву подготовить свой курс лекций и издать впоследствии его вводную часть в виде статей по церковной историографии.

25. *Жукович П.Н.* Отзыв о научных занятиях профессорского стипендиата Антония Карташёва по истории русской церкви в 1899–1900 учебном году // ЖЗС СПбДА за 1900–1901 уч. год. СПб., 1901. С. 16.

26. *Золаев А.Л.* Исторические воззрения А.В. Карташёва и историография русского зарубежья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 23.

27. *Карташёв А.В.* Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 909–922; № 7. С. 77–93.

въ своемъ объемѣ и достоинствѣхъ тою томою „Исторіи“ вплоть до года своей кончины (1882), томъ это послѣдній XII-ой томъ, прерывающійся на исторіи Собора Московскаго Собора 1667г., издавъ уже послѣ смерти автора (См. 1883г.) его братомъ протоіер. Кожинскою собора. Въ Лорковѣ же въ 1867г. переиздана пр. Монаршемъ въ исправленномъ видѣ его три первые тома и томъ вводный.

Въ виду этого съ достоинствомъ монументальнаго по объему м. Монарша — это его чрезвычайнаго, драгоценнаго, редкаго полнота, благодаря которой оно представляетъ для историковъ русской церкви такую же ценную книгу у всякаго томъ, какой является исторіи С. М. Соловьева для историковъ градостроительства. Французская полнота въ изложеніи древняго периода соединяется съ новизной изложенія въ учебной обработкѣ матеріала. Прев. Монарша, какъ известно, самъ открылъ много памятниковъ древней письменности и содействовалъ изданию ихъ литературной исторіи въ своихъ статьяхъ, помножившихъ преимущественно въ академическихъ, учебныхъ. Какъ рѣдкій знатокъ нашихъ рукописей сохранивъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ для цѣлей церковной исторіи все это изъ известныхъ ему матеріаловъ, сообщивъ много новыхъ текстовъ въ объемныхъ примечаніяхъ къ томамъ первой половины своей исторіи и сохранивъ много существенныхъ указаний въ своихъ обстоятельныхъ примечаніяхъ. Оттого, быть можетъ, въ этой томою авторъ, обремененный массой неизученнаго, сурово документальнаго, почти дословнаго въ извѣстномъ мотивированнаго историческаго картина только смѣтливо и тактично подобранные матеріалы, при томъ, конечно не всегда проведенные передъ глазами строгой крити-

Рис. 3. Страница 34 из литографированного курса лекций А.В. Карташова по Истории русской православной церкви за 1900-1901 учебный год.

исторіи Большаго московскаго собора 1667 г., издавъ уже по смерти автора (СПб. 1883 г.) его братомъ, протоіереемъ Казанскаго собора, Александромъ Булгаковымъ. Первые три тома и томъ вводный были переизданы въ исправленномъ видѣ еще самимъ Макаріемъ, въ Харьковѣ, въ 1868 г. Въ настоящее время пѣтается уже новое изданіе «Исторіи» пр. Макарія въ 12 томахъ (безъ «Введенія»), выходящее въ СПб. съ 1881 по 1900 г.

Выдающееся достоинство монументальнаго творенія м. Макарія—это его чрезвычайная фактическая полнота, благодаря которой оно представляетъ для историковъ русской церкви такую же сокровищницу всякаго знанія, какой является исторія С. М. Соловьева для историковъ гражданскихъ. Фактическая полнота соединяется и съ повизной пущенныхъ въ ученый оборотъ матеріаловъ, особенно въ изложеніи древняго періода. Преосв. Макарій, какъ извѣстно, самъ открылъ много памятниковъ древней письменности и содѣйствовалъ уясненію ихъ литературной исторіи въ своихъ статьяхъ, помѣщавшихся преимущественно въ академическихъ «Извѣстіяхъ». Какъ рѣдкій знатокъ нашихъ рукописныхъ сокровищъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ для цѣлей церковной исторіи весь этотъ извѣстный ему матеріалъ, сообщилъ много новыхъ текстовъ въ обшестныхъ приложеніяхъ къ томамъ первой половины своей исторіи и сдѣлавъ множество цѣнныхъ указаній въ своихъ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ. Оттого, быть можетъ, въ этихъ томахъ авторъ, обремененный массой неизученныхъ, сырыхъ документовъ, часто даетъ намъ вмѣсто мотивированныхъ историческихъ картинъ только систематически подобранные матеріалы, при томъ далеко не всегда проведенные черезъ горнило строгой критики. Опираясь здѣсь надъ множествомъ разрозненныхъ фактическихъ данныхъ, онъ невольно увлекается ихъ детальной группировкой и впадаетъ въ схоластическій грѣхъ столь неблагопріятныхъ для исторіи вѣдѣній и подраздѣленій. Поэтому первые томы Исторіи м. Макарія, оставаясь и доселѣ драгоценными по своему фактическому содержанию, съ постепеннымъ ростомъ русской науки, конечно утратили большую долю своего значенія собственно въ изслѣдовательномъ и историкоописательномъ отношеніяхъ. Но, если въ первыхъ своихъ томахъ м. Макарій является для настоящаго времени не столько критикомъ, сколько собирателемъ историческихъ матеріаловъ, то въ томахъ дальнѣйшихъ онъ

Рис. 4. Страница 84 из опубликованной в «Христианском чтении» в 1903 г. статьи А.В. Карташѣва «Краткий историко-критический очерк...».

Итак, после стипендиатского года в сентябре 1900 г. А.В. Карташёв, после прочтения пробных лекций, был утвержден исполняющим должность доцента кафедры русской церковной истории. Стоит ли говорить, что перед молодым преподавателем открывались широкие перспективы и возможность раскрыть себя в качестве лектора и исследователя. Во-первых, он мог стать крупнейшим специалистом именно по синодальному периоду. Как уже отмечалось, в течение стипендиатского года он досконально изучил все наиболее важные фундаментальные исследования и сборники документов по данной теме, а Синодальный архив, работа в котором позволила бы выявлять все новые документы и раскрывать неизвестные и малоизученные страницы новейшей церковной истории, находился именно в Санкт-Петербурге. Во-вторых, Карташёв должен был стать историком Санкт-Петербургской духовной академии. В декабре 1901 г. он закрепил за собой следующую тему магистерской диссертации: «История Санкт-Петербургской духовной академии. Часть первая (период подготовительный и начальные годы существования академии)»²⁸.

Однако ни того, ни другого не случилось. Во-первых, не имеется ни одного исследования А.В. Карташёва, в которых он пользовался бы не опубликованными уже документами, а непосредственно архивными материалами. Во-вторых, нет никаких его печатных работ, посвященных именно истории академии. И это несмотря на то, что тема была утверждена в 1901 г., а преподавал Карташёв до 1905 г. Согласно действовавшему академическому уставу 1884 г., исполняющий должность доцента, каковым и являлся Карташёв, должен был написать, опубликовать и защитить магистерскую диссертацию в течение двух лет после назначения на преподавательскую должность. В противном случае должно было последовать увольнение. Карташёв этого не сделал. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что Карташёв был далеко не единственным таким «должником». Например, А.П. Высокоостровский исполнял должность доцента кафедры логики и метафизики с 1886 по 1909 гг.²⁹

В 1901–1903 гг. в Санкт-Петербурге проходили известные Религиозно-философские собрания, участие в которых принимал и А.В. Карташёв. В жизни молодого и перспективного исследователя эти собрания сыграли роковую роль. Спокойствие и тишину профессорского кабинета Антон Владимирович не без видимого удовольствия сменил на суету и тревоги церковно-общественного деятеля. Возможность участвовать в церковно-политической и общественной жизни страны вскружила талантливому исследователю.

28. ЖЗС СПбДА за 1901–1902 уч. год. СПб., 1902. С. 152.

29. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 134–136.

дователю голову. На страницах светской периодической печати, под псевдонимами «Уральский» и «Романский», он публиковал заметки на острые и злободневные темы (в том числе в журнале «Новый путь», издававшемся под редакцией Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус), не соглашаясь с официальной линией высшей церковной власти и, более того, дискутируя с ней³⁰. Он не был одинок в своем порыве. Вместе с ним в омут революционно окрашенной церковно-общественной деятельности бросился столь же молодой преподаватель кафедры пастырского богословия и педагогики В.В. Успенский. Чуть позже к ним примкнул профессор кафедры канонического права архимандрит Михаил (Семёнов), ставший, в конечном итоге, старообрядческим епископом³¹.

Наконец, в 1905 г. тогдашний ректор академии епископ Сергей (Старгородский) поставил Карташёва перед выбором: или академия — или церковно-общественная и журналистская деятельность. Антон Владимирович ушёл из академии в сентябре, а уже в декабре он был официально зачислен в штат Императорской Публичной библиотеки³². В качестве преподавателя академической кафедры Карташёв сделал не так уж и много. Им было написано несколько статей и рецензий для академического журнала «Христианское чтение». Центральной статьёй стал материал по церковной историографии, о чем говорилось выше. Если говорить о студентах, которые писали свои кандидатские диссертации под руководством А.В. Карташёва, то за весь пятилетний период их насчитывается всего 12 человек. У о. П. Николаевского, к слову, такое количество диссертантов обычно проходило года за два. Кроме того, любопытно обратить внимание на следующую динамику. В первый год преподавания под руководством Карташёва кандидатские диссертации писали шесть человек, в 1902–1903 учебном году — уже три человека, в 1903–1904-м — только два; наконец, в 1904–1905 г. — не было уже ни одного человека³³. Многие желающие писать работы по русской церковной истории уходили на кафедру русской граж-

30. Антощенко А.В. Карташёв Антон Владимирович // Историки России. Биографии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 550. См. также: Бычков С.П. Антон Владимирович Карташёв — историк Русской Православной Церкви. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; Золаев А.Л. Исторические воззрения А.В. Карташёва и историография русского зарубежья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

31. РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Ч. 1. 1906 г. Д. 674.

32. Бычков С.П. Карташёв Антон Владимирович // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. XXXI. С. 373.

33. Карлук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... Приложения. С. 99–100.

данской истории, где, например, в 1904–1905 г. свои работы писали семь человек. И писали они на темы, относящиеся именно к отечественной церковной, а не гражданской истории.

Занимая кафедру русской церковной истории, А.В. Карташёв, естественно, должен был выступать и рецензентом магистерских и докторских диссертаций, представляемых к защите. Из трех диссертаций, прошедших через руки Карташёва, только магистерская работа ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрита Сергия (Тихомирова) «Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни)» прошла без скандала. Защита же докторской диссертации обер-секретаря Св. Синода С.Г. Рункевича «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Том первый. Учреждение и первоначальное устройство Св. Синода (1721–1725)» вызвала общецерковный скандал. После длительного обсуждения достоинств и недостатков диссертации 11 членов Совета высказались за возвращение работы автору на доработку, три — за то, чтобы удостоить автора искомой степени, два — против возможности удостоить, и три — уклонились от подачи голосов. Ключевым эпизодом при принятии итогового решения был именно отрицательный отзыв Карташёва³⁴.

Еще в одном случае Карташёву удалось отстоять честь академии как одного из богословских центров России. Дело в том, что один из выпускников академии священник А. Красов еще при отце П. Николаевском представил на соискание степени магистра богословия диссертацию, посвященную святителю Стефану, епископу Пермскому. Отец Павел указал на многочисленные недостатки и отправил рукопись на доработку. После этого Красов еще дважды представлял в академию свой текст, уже опубликованный. В последний раз рецензентом ему был назначен А.В. Карташёв, который самым тщательным образом проштудировал как саму диссертацию, так и вообще всю основную литературу по теме исследования. Данная тема для Карташёва не была совершенно чужой — он был выпускником именно Пермской духовной семинарии³⁵. Благодаря усидчивости и прин-

34. См.: *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск: ВРАТА, 2008. С. 130–160; *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 171–172; *Карташёв А.В.* Отзыв о сочинении обер-секретаря Св. Синода, магистра богословия С.Г. Рункевича под заглавием: «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Св. Синода (1721–1725)», представленном на соискание ученой степени доктора церковной истории // ЖЗС СПбДА за 1901–1902 уч. г. СПб., 1902. С. 253–277.

35. *Бычков С.П.* Антон Владимирович Карташёв — историк Русской Православной Церкви... С. 48.

ципиальности Карташёва удалось выявить следующие неприглядные факты. Во-первых, автор, представляя диссертацию во второй и третий раз, не вносил в свое сочинение вообще никаких исправлений. Он просто печатал заново первую страницу, меняя на ней заголовок и год издания. Во-вторых, автор грешил, как бы сказали сейчас, плагиатом. Резюмирующий пассаж отзыва Карташёва был достаточно эмоциональным: «В заключение всего рецензент не может удержаться не признаться откровенно, что во время разоблачения всех этих “достоинств” произведения священника Красова он чувствовал себя как бы в дурном обществе и вообще недалек от чувства прямого оскорбления за честь Академии, причиненного смелой попыткой соискателя — получить степень магистра богословия за такую недобросовестную пародию на ученое сочинение»³⁶.

«Наука тут ни в чем не повинна»: К.В. Харлампович или Б.В. Титлинов. После ухода А.В. Карташёва в академии в первом семестре 1905/1906 учебного года разразился самый настоящий скандал по вопросу о том, кого избрать на вакантную кафедру. Сам Антон Владимирович в своем прошении, рассмотренном на заседании Совета академии 20 сентября 1905 г., высказывал полную уверенность, что оставляемая им кафедра «без малейших затруднений и с великой пользой для дела может быть тотчас же замещена одним из имеющих на лицо, вполне подготовленных к тому молодых специалистов — историков и магистров нашей Академии»³⁷.

Теперь уже сложно сказать, имел ли в виду Карташёв кого-то конкретно, или это была некая общая фраза. Ведь действительно, с 1889 по 1915 гг., согласно имеющимся данным, в качестве профессорских стипендиатов для научных занятий периодически оставались и студенты кафедры русской церковной истории. Так, помимо самого Карташёва, в 1892–1893 учебном году профессорским стипендиатом по данной кафедре был оставлен Лука Феодорович Свидерский, в 1893–1894 уч. г. — диакон Николай Феодорович Климов, в 1904–1905 учебном году — Алексей Николаевич Котович, в 1906–1907-м — Владимир Константинович Волнин³⁸. Первые два стипендиата писали свои кандидатские сочинения и проходили стипендиатство под научным руководством профессора протоиерея Павла

36. *Карташёв А.В.* Отзыв о сочинении свящ. А. Красова: «Св. Стефан, епископ Пермский, просветитель зырян и его преемники», представленном на соискание степени магистра богословия // ЖЗС СПбДА за 1901–1902 уч. год. СПб., 1902. С. 48.

37. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 71.

38. *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 267–272.

Николаевского. Л.Ф. Свидерский написал блестящее кандидатское сочинение на тему: «Иоанн Красовский, Полоцкий униатский архиепископ»³⁹. И ему даже удалось защитить магистерскую диссертацию на эту же самую тему, правда, только через 20 лет⁴⁰. Диакон Николай Климов не оправдал надежд профессора Николаевского, который написал о научной деятельности своего подопечного довольно резкий отзыв, завершающийся словами: «Представленный о. Климовым отчет мог бы быть более удовлетворительным и ценным»⁴¹. В дальнейшем, судя по всему, диакон Николай Климов никак себя не проявил в области церковно-исторической науки. В.К. Волнин был оставлен стипендиатом по итогам обучения в академии и после написания блестящей работы, посвященной положению Церкви в период правления императора Николая I. Научным руководителем Волнина был профессор Н.К. Никольский. В своей рецензии на труд Волнина, отметив целый ряд недоработок, Никольский, однако, посвятил куда больше внимания лучшим сторонам диссертационного исследования: «Стройность изложения, литературный язык, историческая объективность и документальность труда г. Волнина заметно выдвигают его из ряда однородных работ и дают ему право не только на искомую степень кандидата богословия, но и на особенное внимание Совета академии»⁴². Сложно сказать, занимался ли В.К. Волнин изучением русской церковной истории после того, как покинул академию. Скорее всего, что нет. Наконец, А.Н. Котович, занимавшийся у А.В. Карташёва, стал крупнейшим специалистом по истории духовной цензуры⁴³.

39. Николаевский П., *прот.* Отзыв о сочинении студента Луки Свидерского на тему: «Иоанн Красовский, Полоцкий униатский архиепископ» // ЖЗС СПбДА за 1891–1892 уч. г. СПб., 1896. С. 194–197.

40. Защита состоялась 10 ноября 1913 г. Соискатель утвержден был указом Св. Синода от 19 февраля 1914 г. См. отзывы профессоров Н.К. Никольского и П.Н. Жуковича: ЖЗС СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 130–146. Небольшой отчет о защите магистерской диссертации был опубликован в академическом журнале «Церковный вестник»: Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 46. Ст. 1442–1443.

41. Николаевский П., *прот.* Отзыв об отчете профессорского стипендиата диакона Николая Климова в научных занятиях в течение 1893/4 учебного года // ЖЗС СПбДА за 1893–1894 уч. г. СПб., 1894. С. 296.

42. Никольский Н.К. Отзыв о сочинении студента Владимира Волнина на тему: «Положение Церкви в царствование Николая I» // ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 324.

43. Карпук Д.А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 215–216.

Не следует также забывать и стипендиатов по смежной кафедре русской гражданской истории, специалисты которой могли с легкостью занять кафедру истории церковной. За тот же период — с 1889 по 1915 гг. — профессорскими стипендиатами по данной кафедре в столичной академии были оставлены Б.В. Титлинов — в 1903–1904 уч. г.⁴⁴, В.Г. Соломин — в 1906–1907 уч. г.⁴⁵, Д.А. Зиньчук — в 1907–1908 уч. г.⁴⁶, С.Г. Георгиевич — в 1908–1909 уч. г., А.И. Сегенюк — в 1910–1911 уч. г. Примечательно, что первые три стипендиата из приведенного списка позже стали преподавателями Санкт-Петербургской духовной академии. Последний же является не кем иным, как известным обновленцем Александром Введенским⁴⁷.

Помимо стипендиатов было довольно много выпускников академии, не занявших высоких мест в итоговых разрядных списках, но продолжавших, проходя служение в различных учреждениях и на разных должностях, по-прежнему заниматься разработкой тех или иных церковно-исторических вопросов, которыми увлеклись еще на студенческой скамье. Иногда они даже спустя какое-то время защищали магистерские диссертации.

Итак, после увольнения А.В. Карташова⁴⁸ уже 5 сентября 1905 г. на вакантную кафедру русской церковной истории были предложены два кандидата. Оба они являлись выпускниками столичной академии. Первый — Константин Васильевич Харлампович — окончил академию в 1894 г. и к 1905 г., будучи уже магистром богословия («Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и Церкви». Казань, 1898. Защита состоялась в 1899 г.), являлся приват-доцентом Казанского университета и преподавателем Казанской духовной семинарии. Второй — Борис Васильевич Титлинов — окончил академию только в 1903 г., но уже в 1905 г. успешно защитил магистерскую диссертацию («Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной Церкви».

44. Жукович П.Н. Отзыв об отчете профессорского стипендиата по кафедре Русской гражданской истории Бориса Титлинова // ЖЗС СПбДА за 1903–1904 уч. год. СПб., 1904. С. 167–169.

45. Жукович П.Н. Отзыв об отчете профессорского стипендиата Вячеслава Соломина // ЖЗС СПбДА за 1908–1909 уч. год. СПб., 1909. С. 44–45.

46. Жукович П.Н. Отзыв об отчете профессорского стипендиата Дамиана Зиньчука // ЖЗС СПбДА за 1908–1909 уч. год. СПб., 1909. С. 120–122.

47. Ореханов Г., свящ., Фирсов С.Л. Боярский Александр Иванович // Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 133–135.

48. С 1 сентября 1905 г.

Вильно, 1905). На стороне первого был преподавательский стаж и научно-исследовательский опыт, на стороне второго — молодость и горячее рвение к научным церковно-историческим исследованиям.

Безусловно, это было далеко не первое и совсем не последнее избрание корпорацией нового члена в свои ряды. Процедура избрания была отработана и всем хорошо известна. В данном случае после представления биографических данных о кандидатах должна была состояться закрытая баллотировка. И тот, кто получил бы больше голосов, и считался бы избранным на кафедру. Однако на этот раз профессором Н.К. Никольским было предложено создать специальную комиссию для обсуждения вопроса о замещении вакантной кафедры. Объяснить такую инициативу, а также тот факт, что корпорация поддержала предложение по созданию комиссии, довольно сложно. Т.А. Богданова рассматривает данную историю в контексте «межпартийной внутрикорпоративной борьбы»⁴⁹, и в рамках этого подхода получается, что полемика, развернувшаяся вокруг двух кандидатов, является отражением внутрикорпоративной академической борьбы между консерваторами и либералами. Возможно, что так все и было. Правда, полемика между разными партиями шла и до, и после этой истории, и по каждому случаю разногласий вопрос решался довольно просто — голосованием. Возможно, на этот раз ситуация была гораздо сложнее. Можно, например, предположить, что профессор Никольский, предложивший создать комиссию, имел в виду сложную многоходовую комбинацию, поставив целью самому занять вакантную кафедру, перейдя на нее с менее «престижной» кафедры гомилетики⁵⁰. Как бы то ни было, именно так, в конце концов, все и произошло. Развивалась же ситуация следующим образом.

На заседании Совета академии 20 сентября 1905 г., когда впервые обсуждался вопрос о замещении должности А.В. Карташёва, произошло серьезное столкновение между некоторыми членами Совета. Профессор П.Н. Жукович предложил в качестве кандидата своего ученика Б.В. Титлинова. Кандидатура К.В. Харламповича была предложена профессором А.И. Пономаревым. Примечательно, что оба кандидата являлись учениками П.Н. Жуковича. Внимания заслуживает и тот факт, что и А.В. Карташёв был в свое время принят в состав академической корпорации после поло-

49. Богданова Т.В. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 457.

50. Карпук Д.А. История кафедры гомилетики Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 165–172.

жительного отзыва также именно Жуковича. Можно сделать предположение, что кто-то из членов Совета припомнил Жуковичу данное обстоятельство. Возможно также, что Жуковичу был задан вопрос о гарантиях того, что новый его ученик не станет «продолжателем» Карташёва в том смысле, что не увлечется столь популярной в 1905 г. церковно-общественной деятельностью, вместо того чтобы заниматься церковно-исторической наукой. Возможно, претензия (или претензии) сводились к другому. Но в том, что конфликт произошел, можно не сомневаться, потому что после предложения создать комиссию П.Н. Жукович сразу же отказался войти в ее состав. Хотя именно его слово могло и должно было стать решающим при выборе кандидата. Более того, Жукович игнорировал все последующие заседания Совета, на которых обсуждался вопрос об избрании нового наставника для кафедры русской церковной истории. Так, на заседании Совета 29 сентября была озвучена его записка, в которой, в частности, говорилось: «Я лично по чисто нравственным мотивам, которые разъяснил Совету 20 сентября, не могу быть сегодня на заседании Совета»⁵¹.

Позднее Жукович составил для Совета еще одну записку, в которой объяснял причины отказа от участия и в специальной комиссии: «Ввиду того, что не без моего участия состоявшееся пять лет тому назад замещение кафедры русской церковной истории привело к известному исходу, — я сразу же решил не выступать вновь в вопросе о замещении этой кафедры особенно активно. Тяжелый нравственный конфликт, неожиданно создавшийся для меня в заседании Совета 20 сентября (причем мое нравственное чувство ни пощажено, ни защищено не было), осудил меня на полную пассивность. <...> Из небольшого опыта своего я делаю вывод, что научно-литературное руководство магистрантами — дело, вовсе не способствующее духовной уравновешенности руководителя. Одно утешение, что наука тут ни в чем не повинна»⁵².

Итак, 29 сентября была образована комиссия, в состав которой было решено включить П.Н. Жуковича, Н.К. Никольского, А.И. Пономарева, А.И. Бриллиантова и П.С. Смирнова. Кстати, на этом же заседании для избрания нового преподавателя взамен также скандально уволенного исполняющего должность доцента кафедры пастырского богословия и педагогики В.В. Успенского тоже была образована комиссия, в состав которой вошли протоиерей Сергей Соллертинский, В.С. Серебренников, Д.П. Миртов, А.П. Высокоостровский, А.А. Бронзов и протоиерей Евгений Аквилонov.

51. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 89.

52. Там же. С. 176.

Избрание преподавателя в последнем случае вообще затянулось на год и было решено только в конце 1906 г.⁵³ Примечательно, что в сентябре 1905 г. рассматривался также и вопрос о замещении кафедры патристики взамен ушедшего из академии протоиерея Тимофея Налимова. Но в этом случае никто никаких комиссий не созывал. Вполне традиционным путем — через представление кандидата и голосование — был избран Н.И. Сагарда⁵⁴. В октябре на кафедру литургики, опять же без каких бы то ни было проволок и комиссионной волокиты, был избран И.А. Карабинов⁵⁵.

6 октября на заседании Совета было объявлено, что профессора Жукович и Пономарев отказались от участия в «комиссии по вопросу об избрании кандидата на кафедру русской церковной истории». Вместо них было решено включить в состав комиссии профессоров И.И. Соколова и Д.И. Абрамовича. Одновременно Совет постановил назначить председателем данной комиссии профессора И.С. Пальмова⁵⁶. Любопытно, что профессор Пономарев предложил на этом заседании избрать кандидата традиционным путем — и сделать этого «немедленно», без всяких комиссионных обсуждений⁵⁷. Данное предложение, безусловно, разумное и своевременное, поддержано не было.

Комиссия в обновленном составе заседала 10, 31 октября и 5 декабря. Никакого решения она так и не приняла. У каждого из ее членов была своя точка зрения, которые были представлены всем членам Совета на заседании 15 декабря 1905 г. Тогда же было решено, учитывая мнение некоторых членов Совета, предварительно обратиться к А.В. Карташёву с предложением вернуться в академию. Отрицательный ответ последнего был получен 23 декабря. В этот же день состоялось заседание Совета, на котором и было принято окончательное, но во многом неожиданное решение.

Профессор И.С. Пальмов в течение октября и декабря тщательно проанализировал научную деятельность обоих рекомендованных в сентябре кандидатов. Отмечая «силу и свежесть мысли» в трудах Титлинова, Пальмов обратил внимание на его научную скромность и осторожность. Хотя и отметил, что Титлинову не хватает точности в выражениях, особенно «в общих заключениях и частных характеристиках»⁵⁸ его научно-исследовательских работ, главной из которых на тот момент остава-

53. ЖЗС СПбДА за 1906–1907 уч. г. СПб., 1907. С. 13, 41–57, 91–92, 184–185.

54. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 70–71.

55. Там же. С. 100–101.

56. Там же. С. 99.

57. Там же. С. 161.

58. Там же. С. 166.

лась магистерская диссертация. Что касается Харламповича, И.С. Пальмов отметил, что данный кандидат в своих работах «обнаруживает внимательное отношение к фактическому материалу, исследует его с должною обстоятельностью и в своих выводах старается быть научно-осторожным, объективным». Однако далеко не всегда Харламповичу, как в свое время отмечал еще его научный руководитель протоиерей Павел Николаевский, имя и слово которого по-прежнему для многих являлось авторитетным и веским, доставало осторожности в выводах⁵⁹.

В сухом остатке получалось, что каждый из рассматриваемых кандидатов, по мнению проф. Пальмова, умел работать с историческими источниками, стремился быть максимально осторожным в своих построениях. Но оба допускали промахи и ошибки, формулируя общие выводы и давая характеристики. По крайней мере, их выводы вызывали критику. От ответа на самый главный вопрос, кого же он считает лучшим кандидатом на кафедру, почтенный профессор тактично ушел: «Совет академии имеет пред собой двух “вполне достойных” кандидатов для замещения вакантной кафедры Русской церковной истории: каждый из них с успехом может преподавать свой предмет в высшем духовно-учебном заведении и каждый из них настолько работоспособен, что, при благоприятных условиях для научных занятий, может одарить науку ценным научным трудом. Кого бы из них Совет ни избрал на вакантную кафедру, во всяком случае, тот, кто окажется неизбранным, не перестает в моих глазах оставаться столь же достойным академической кафедры, как и тот, который окажется избранным. Но свой голос я отдаю в пользу кандидата, на стороне которого будет беспристрастно решающее ответственное дело академическое большинство»⁶⁰.

Оставляя пока в стороне дискуссию о замещении кафедры, нужно признать, что профессор Пальмов оказался прав: оба кандидата впоследствии «одарили» русскую церковно-историческую науку фундаментальными исследованиями. Имеем в виду их докторские диссертации: «Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский» (Б.В. Титлинов) и «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (К.В. Харлампович). Данные работы и до сих пор, к сожалению, еще недостаточно оценены церковно-историческим сообществом.

Профессор Н.К. Никольский в своем письменном отзыве высказал мнение, что русская церковная история является одной из центральных среди всех академических дисциплин, и представителю этой кафедры

59. Там же. С. 169.

60. Там же. С. 169–170.

«обыкновенно выпадает на долю быть руководителем значительного числа молодых исследователей»⁶¹. Именно поэтому, считал Никольский, необходимо проявить большую осторожность при выборе нового преподавателя. Первую часть данного утверждения, наверное, можно принять — если поставить впереди кафедры русской церковной истории кафедры догматического богословия, Св. Писания Ветхого и Нового Завета, истории Древней Церкви. Но вот утверждение, что кафедра русской церковной истории является одной из самых привлекательных для студентов, является безусловно спорным. Абсолютными лидерами по числу студенческих работ, написанных под их руководством, в столичной Духовной академии были профессор кафедры нравственного богословия А.А. Бронзов (195 студенческих работ за период с 1895 по 1914 гг.) и исполняющий должность доцента кафедры логики и метафизики А.П. Высокоостровский (168 студенческих работ с 1890 по 1910 гг.)⁶². Между остальными кафедрами симпатии студентов распределялись более-менее равномерно. О статистике кандидатских работ по кафедрам русской церковной и гражданской истории будет сказано ниже. А если вспомнить, что у А.В. Карташёва в последний год его преподавания вообще никто не писал работ, то придется признать, что Н.К. Никольский, скорее всего, выдавал желаемое за действительное.

Кроме того, Никольский высказывал мнение, что кандидат на замещение кафедры должен хорошо знать церковную историю допетровской Руси. Учитывая же то обстоятельство, что Титлинов специализировался по XVIII в., а Харлампович — по истории Киевской митрополии в XVI–XVII вв., то, по мнению Никольского, никто из них не являлся идеальным кандидатом. К слову сказать, едва ли не единственным специалистом по церковной истории допетровского времени на тот момент в академии являлся сам Никольский. Однако, т.к. он сам не мог выдвинуть себя в качестве кандидата, то предложил вернуть в академию Карташёва: «Прежде чем приглашать одного из указанных кандидатов на академическую кафедру, <...> следовало бы еще раз сделать попытку удержать на кафедре русской церковной истории того представителя ее, которого академия лишилась в сентябре, и который, как мне кажется, при своей талантливости, трудолюбии и честном беспристрастии более других мог бы осуществить выска-

61. Там же. С. 170.

62. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... Приложения. С. 46–58, 61–72.

занные выше пожелания»⁶³. Впрочем, Антон Владимирович, как уже было отмечено, отказался вернуться.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно любопытное замечание Никольского, сделанное им попутно и раскрывающее в нем не только настоящего специалиста по церковной истории, но и ученого, который ратует за развитие не только учебной дисциплины, но и науки в целом. Н.К. Никольский говорит о необходимости учредить в академии отдельные кафедры по разным периодам русской церковной истории⁶⁴. Смеем предположить, что со стороны академических специалистов было бы предложено разделить кафедру на три отдельные, для преподавания истории по хронологическому принципу: с ранних времен и до конца XVI в.; конец XVI — XVII вв.; и, наконец, XVIII–XIX вв. Вполне возможно, что, не случись трагедии 1917 г., в дальнейшем такое разделение и произошло бы. Ведь были же разделены, согласно академическому уставу 1910–1911 гг., кафедры Св. Писания Нового Завета и Патристики каждая на две самостоятельные.

Вернемся к заседанию Совета академии 23 декабря 1905 г. Следующий оратор, профессор И.И. Соколов, в отличие от проф. Пальмова, не стал уходить от ответа и в своей записке указал, что отдает предпочтение кандидатуре Харламповича. Причина заключалась не только в качестве научных работ данного кандидата, но и в том, и это в первую очередь, что Харлампович уже несколько лет преподавал историю в Казанском университете, а значит, приобрел достаточную подготовку и научно-педагогический опыт⁶⁵.

Профессор П.С. Смирнов, многолетний редактор «Христианского чтения», подал голос в пользу Титлинова, с которым он был хорошо знаком. Наверняка, они часто и подолгу общались в предшествующие месяцы, т.к. именно Смирнов был рецензентом магистерской диссертации Титлинова и официальным оппонентом на его коллоквиуме, состоявшемся 2 октября 1905 г. Проф. Смирнов в своей краткой записке утверждал, что «к научной разработке истории Русской Церкви г. Титлинов материально вполне подготовлен, и что, затем, он достаточно, так сказать, силен, чтобы вести ученую работу по широкому плану в целом и достаточно хлопотлив и усидчив, чтобы быть, где и сколько нужно, и историком-деталистом»⁶⁶.

63. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 171.

64. Там же. С. 170.

65. Там же. С. 171.

66. Там же. С. 172.

Наконец, профессор Д.И. Абрамович в своем письменном «мнении», не отрицая научных заслуг и достижений Б.В. Титлинова, все же отдал свой голос в пользу Харламповича. На стороне последнего был, безусловно, уже достаточно приличный педагогический опыт. Кроме того, Абрамович считал, и это мнение заслуживает всяческого внимания, что новому преподавателю кафедры русской церковной истории, «по-видимому, придется стать и историком нашей академии»⁶⁷. Такое заявление имело под собой серьезные основания. Дело в том, что еще в 1903 г. было объявлено о подготовке к празднованию 100-летнего юбилея академии, открытой в 1809 г. Предполагалось, в частности, издать биобиблиографический словарь⁶⁸. Над его созданием должны были потрудиться все профессора, но (очевидно, именно так и мыслил Абрамович) общую редакцию издания по истории академии должен был осуществлять профессор кафедры русской церковной истории. По мнению Абрамовича, Харлампович имел в этом вопросе существенное преимущество перед Титлиновым, т.к. уже опубликовал к тому времени несколько работ по истории духовного образования в России, в частности «Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в.» (Казань, 1903)⁶⁹.

Таким образом, если суммировать мнения членов комиссии, то получилось, что перевес был на стороне Харламповича. За каждого кандидата должны были голосовать отдельно. Поэтому за Титлинова отдали бы свой голос профессор Пальмов (он выступал за обоих) и профессор Смирнов. За Харламповича — профессора Пальмов, Соколов и Абрамович. Н. К. Никольский выступал против обоих. Правда, невыясненной осталась позиция еще одного члена комиссии — А.И. Бриллиантова.

В любом случае, по непонятным причинам как комиссия, так и Совет почему-то считали, что решение должно было быть принято единогласно (об этом косвенно упоминал в своем отзыве И. С. Пальмов). Вполне очевидно, что избрание нового наставника в сложившейся ситуации и при сложившемся разделении голосов никогда бы не произошло. Складывается впечатление, что кто-то пытался заблокировать обоих кандидатов. И т.к. единого мнения быть не могло, то сам собой напрашивался вариант подыскать еще одного кандидата.

Выход из сложившейся чрезвычайно сложной и даже отчасти тупиковой ситуации (возможно, специально и искусственно созданной) нашелся

67. Там же. С. 173.

68. ЖЗС СПбДА за 1906–1907 уч. г. СПб., 1907. С. 127.

69. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 173.

несколько неожиданный, по крайней мере, для какой-то части членов Совета. Профессор А.И. Пономарев предложил перевести с кафедры гомилетики на кафедру русской церковной истории профессора Н.К. Никольского, который, конечно, был всем хорошо известен в качестве крупнейшего специалиста по истории Древней Руси и ученика профессора протоиерея Павла Николаевского (и здесь имя почтенного ученого использовалось для усиления необходимых аргументов): «Можно ли найти лучшего профессора для замещения у нас кафедры Русской Церковной Истории и даже в прямых интересах ее, как науки, не желательно ли, чтоб проф[ессор] Н.К. Никольский теперь же и самому положению всецело отдался на служение ей, не отвлекаемый никакими сторонними изучениями? Кафедра эта одна из важнейших в нашей академии, и назначение на нее заместителем профессора, во всех отношениях нам известного, мне кажется, может лишь облегчить трудности предстоящей нам высоко ответственной задачи — найти и избрать заместителя для нее вполне надежного и достойного»⁷⁰. Данное предложение было поддержано Пальмовым и еще некоторыми членами Совета. Никольский подтвердил свою готовность сменить кафедру гомилетики на кафедру истории. Далее по данному вопросу состоялось голосование — и Никольский, как оказалось, единогласно был избран на кафедру русской церковной истории.

Почему именно Пономарев выдвинул кандидатуру Никольского? Дело в том, что они, судя по всему, также уже долго находились в дружественных отношениях, даже если судить только по печатным протоколам заседаний Совета академии. Когда в конце 1896 г. на одном из заседаний Совета академии обсуждался вопрос о замещении освободившейся штатной должности экстраординарного профессора, на данное место претендовали сразу три доцента академии — А.А. Бронзов, Т.А. Налимов и Н.К. Никольский. Тогда именно А.И. Пономарев попросил отложить избрание на освободившееся место, т.к. он предполагал представить Совету краткую записку о научных трудах Никольского. Здесь сразу необходимо отметить, что в подобного рода делах никаких записок никогда не требовалось и это была инициатива самого Пономарева. В результате, к очередному заседанию и остальные кандидаты вынуждены были «обзавестись» аналогичными рекомендациями: о Бронзове написал профессор И.Г. Троицкий, о Налимове — профессор И.Е. Троицкий. Тогда дело закончилось тем, что на должность экстраординарного профессора был избран Налимов⁷¹.

70. Там же. С. 174.

71. ЖЗС СПбДА за 1896–1897 уч. г. СПб., 1897. С. 107–111.

Впоследствии уже Никольский составлял отзыв о научных трудах Пономарева⁷².

Вообще, если говорить о поведении профессора Пономарева во всей этой истории об избрании кандидата на кафедру русской церковной истории, то оно выглядит более чем странным. Во-первых, именно он предложил кандидатуру Хараламповича. Потом он же от нее отказался и встал на сторону Титлинова, аргументировав это тем, что последний имеет «преимущества молодости, полной свежести сил и юношеской неприкосновенности к людям, явлениям и отношениям нашей неприглядной житейской обыденщины»⁷³. Такая чувственно-эмоциональная аргументация выглядит довольно странной для почтенного ученого. В-третьих, наконец, именно Пономарев предложил Совету кандидатуру Никольского. Удивительная «эволюция» взглядов, скрывающая за собой, скорее всего, серьезные внутриакадемические интриги и межпартийную борьбу.

Сложно сказать, было ли последнее предложение Пономарева случайностью, или хорошо спланированной акцией одного или даже нескольких членов Совета. Вполне возможно, что мысль о замещении кафедры возникла по ходу работы комиссии, когда оказалось, что к единому мнению прийти не удастся. В любом случае, в январе 1906 г. профессор Н.К. Никольский был утвержден в качестве нового профессора кафедры русской церковной истории. Во-вторых, несмотря на вроде бы благополучный исход дела, вся эта шумиха продемонстрировала наличие серьезных разногласий между профессорами столичной Духовной академии. Так, профессор Жукович, даже уже после получения указа Св. Синода о переводе Никольского, потребовал внести в протоколы заседаний Совета свое особое мнение. Жукович говорил, что вопрос о замещении кафедры мог бы решиться уже в сентябре, если бы избрание состоялось посредством закрытой баллотировки. А так, во-первых, был скомпрометирован сам способ замещения кафедр гласными комиссиями, во-вторых, Совет академии оказался виновным перед своими питомцами, которые составляли «честь академии». Наконец, Жукович теперь уже совершенно открыто выступил против Никольского, точнее, против утверждения последнего, что профессор кафедры русской церковной истории должен прежде всего разбираться в истории более ранних веков: «В последние тридцать лет изучение русской церковной истории московского (в частности, патриаршего) периода слишком далеко ушло вперед

72. Никольский Н.К. Записка об ученых трудах заслуженного экстраординарного профессора А.И. Пономарева // ЖЗС СПбДА за 1900–1901 уч. год. СПб., 1901. С. 187–225.

73. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 175.

по сравнению с тем временем, когда к изучению его приступал покойный П.Ф. Николаевский. В 1899 году и он в своем преемнике по кафедре хотел видеть уже специалиста по истории синодального периода. Изучение более ранних периодов русской церковной истории не представляется мне таким уже трудным по сравнению с изучением периода синодального, чтобы мог возникнуть самый вопрос о посильности этого изучения для авторов магистерских диссертаций по более поздней истории. Чем ближе к нам изучаемый нами период русской жизни, тем научное его изучение в сущности труднее вследствие одной уже большей сложности жизни»⁷⁴. Примечательно, что здесь в очередной раз упоминается имя профессора Николаевского — и опять для того, чтобы сделать собственные аргументы и утверждения более весомыми.

Санкт-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), который, как правящий архиерей, и утверждал протоколы заседаний Совета, раскритиковал новый способ избрания кандидатов на вакантные кафедры через комиссии, а не «историческим порядком чрез советские баллотировки». Владыка предписал впредь никаких комиссий, которые только затягивали дело, не создавать, а избирать только посредством голосования «по рекомендациям профессоров специалистов»⁷⁵.

«Начинается эра доносов». Профессор Николай Константинович Никольский (1863–1936). Н.К. Никольский является представителем самой настоящей церковной ученой династии Санкт-Петербурга. Оба его дедушки по отцовской и материнской линии учились в Санкт-Петербургской духовной академии, и оба некоторое время преподавали в ней. Первый — Тимофей Ферапонтович Никольский (1788–1848) — был выпускником первого академического курса 1814 г. Сразу после выпуска он в течение семи лет преподавал логику и психологию. Второй — Дмитрий Степанович Вершинский (1798–1858) — окончил академию в 1825 г. и 10 лет преподавал сначала греческий язык, а затем философию. Отец Николая Константиновича протоиерей Константин Тимофеевич Никольский (1824–1910) также являлся выпускником столичной академии 1849 г. Ему не довелось преподавать в высшей духовной школе, но он написал много фундаментальных работ по литургике, не потерявших своего значения до сих пор («Об Антиминсах Православной Российской Церкви», «Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую седмицу Великого поста» и др.). Московской духовной академией протоиерей Константин Никольский был

74. Там же. С. 206.

75. Там же. С. 177.

удостоен степени доктора богословия⁷⁶.

Н.К. Никольский получил всестороннее домашнее образование. Блестяще окончив в 1883 г. Санкт-Петербургскую семинарию, Никольский на четыре года поступает в столичную академию. В 1889 г. последовало приглашение на кафедру гомилетики, на которой Никольский сменил профессора Н.И. Барсова⁷⁷. Преподавал гомилетику Никольский согласно разработанной предшественниками программе. Что касается научных интересов молодого ученого, то они вращались исключительно вокруг древнерусской литературы. В 1893 г. Николай Константинович защитил магистерскую диссертацию «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века». В 1899 г. состоялась защита подготовленного на соискание докторской степени первого

тома фундаментального исследования на тему: «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века», и вслед за тем утверждение Н.К. Никольского в степени доктора церковной истории⁷⁸. В 1893 г. Никольский был утвержден в звании доцента; в 1898 г. — экстраординарного, а в 1899 г. — ординарного профессора СПбДА. С 1900 г. Никольский стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, а с 1916 г. — ординарным ака-

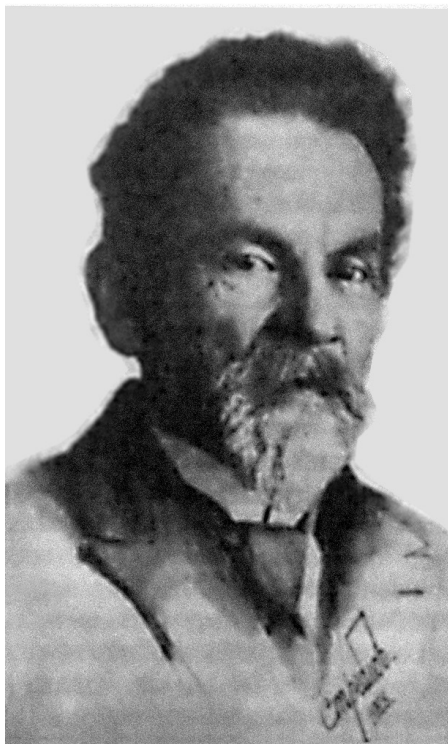


Рис. 5. Профессор Н.К. Никольский, занимал кафедру с 1906 по 1909 гг.

76. Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С. 313, 73, 311.

77. См. подробнее: Карпук Д.А. История кафедры гомилетики Санкт-Петербургской духовной академии... С. 165–175.

78. Подробнее о содержании диссертации см.: Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 53–59.

демиком. Неоднократно принимал участие в научных командировках Императорской академии наук по России.

Теперь что касается содержания лекций Никольского по истории Русской Православной Церкви, которые он читал в течение второго семестра 1905–1906 учебного года и затем еще в течение трех лет. В рамках своего лекционного курса Никольский, если судить по отчетам академии за указанный период, не выходил за рамки XV–XVII вв.⁷⁹ Другими словами, эти его лекции «без начала и конца» были скорее неким спецкурсом, нежели систематическим изложением истории Церкви в хронологической последовательности с момента появления христианства на территории России и вплоть до XIX в.

С одной стороны, то, что Никольский обращался в своих лекциях исключительно к допетровскому времени, отчасти объяснимо. Это был именно тот период, изучением которого он занимался уже практически 20 лет. Тем более, что XV–XVII века напрямую связаны с историей возникновения и развития монашеской жизни в Кирилло-Белозерском монастыре. А истории этой обители Никольский посвятил большую часть своей жизни. Но, с другой стороны, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что Никольский занимался изучением Синодального периода, будучи профессорским стипендиатом в академии с 1887 по 1888 учебный год. Судя по его отчету, он довольно тщательно проработал существующую литературу и источники по Синодальному периоду, история которого ко времени обучения Никольского в академии была изучена еще довольно слабо. Ему удалось грамотно составить программу изучения существующей литературы и добиться существенных результатов. Судя по отзыву научного руководителя, протоиерея Павла Николаевского⁸⁰, 40-страничный отчет Никольского был хорошим справочником для любого исследователя истории отечественной Церкви⁸¹. Примечательно, что в заключительной части своего обстоятельного отчета Никольский сделал приписку, которая свидетельствует о его интересах и стремлении продолжить свое исследование, посвященное Кирилло-Белозерской обители: «Кроме изучения русской церковной истории в течение минувшего учебного года я занимался собиранием и обработкой как печатного, так и рукописного материала для про-

79. Отчет о состоянии СПбДА за 1906 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. С. 19; Отчет о состоянии СПбДА за 1907 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. С. 20; Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. С. 32.

80. ЖЗС СПбДА за 1887–1888 уч. г. СПб., 1892. С. 346.

81. *Никольский Н.К.* Отчет профессорского стипендиата в 1887–1888 учебном году... С. 347–386.

должения своего кандидатского сочинения. <...> Новые для меня исторические данные, извлеченные из первоисточников, заставили меня обратиться к изучению самых разнообразных сторон русской жизни не только церковной, но и гражданской XV–XVII вв.»⁸². Другими словами, будучи хорошо знаком с источниками и монографиями по истории Синодального периода, Никольский практически никогда не обращался к данному периоду в своих лекциях и публикациях. Хотя, возможно, если бы он остался на академической кафедре дольше, то ему пришлось бы через какое-то время составить лекционный курс и по истории Церкви в XVIII–XIX вв.

Если говорить о кандидатских диссертациях, написанных под руководством Никольского, то здесь сложилась следующая любопытная ситуация. Пока Никольский занимал кафедру гомилетики, под его руководством в год в среднем занимались 2–3 человека. В некоторые годы, например в течение двух учебных лет 1897–1899, у него вообще никто не писал кандидатских. А вот в 1901–1902 учебном году у Никольского занималось уже шесть студентов. Это был максимум, пока Никольский заведовал кафедрой проповедничества. Ситуация начинает кардинально меняться с переходом Никольского на кафедру русской церковной истории. Так, в 1908–1909 учебном году у Никольского занимались уже девять студентов. Однако в данном случае такой «наплыв» можно объяснить не только предпочтительностью предмета и профессионализмом наставника, но и той ролью, какую сыграл Никольский в переговорах между студентами и церковным начальством в период революционных событий в 1905 г. (мы вернемся к этому ниже). Всего в «Журналах заседаний Совета академии» удалось обнаружить 54 отзыва Никольского на кандидатские сочинения. Из них 28 приходится на 14 лет с 1890 по 1904 гг., когда Никольский занимал кафедру гомилетики, остальные 14 — на четыре учебных года с 1905 по 1909 гг.⁸³

Будучи профессором кафедры русской церковной истории, Никольский теперь все чаще выступает официальным рецензентом магистерских диссертаций. Так, например, Никольский пишет отзывы на работы В. Верюжского «Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века», священника Василия Яблонского «Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк», А.Н. Котовича «Духовная

82. Там же. С. 386.

83. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... Приложения. С. 122–125.

цензура в России в первой половине XIX века (1799–1855 гг.)», протоиерея Георгия Шавельского «Последнее воссоединение с православною Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.)». Любопытно обратить внимание на следующее обстоятельство. В своем отзыве на диссертацию Верюжского Никольский вспомнил об общем для них учителе и наставнике: «Здесь Вы — ученик покойного П.Ф. Николаевского. Вы унаследовали его любовь к фактической документальности, его кропотливость в изучении мелких, по-видимому, но драгоценных, подробностей, его осторожность в выводах, его тяготение к проверке уже установившихся взглядов»⁸⁴.

В лице профессора Н.К. Никольского перед нами предстает действительно крупный ученый, который должен был занимать академическую кафедру еще много лет. Но в 1905–1906 гг., в период всеобщего революционного угара, Никольский едва ли не впервые решил публично заявить о своих церковно-общественных взглядах. В «Христианском чтении» он опубликовал статью «К вопросу о церковной реформе»⁸⁵, которая была представлена в качестве проекта заявления профессоров СПбДА относительно предстоящих церковных реформ. В 1906 г. этот текст отдельными своими радикальными положениями вызвал настолько большой резонанс в церковной среде, что о нем не забыли и спустя несколько лет. После известной академической ревизии 1908–1909 гг. из всех четырех духовных академий был уволен ряд профессоров⁸⁶. Среди них оказался и профессор Никольский. Тогда в газете «Слово» он сказал в интервью: «Мне уже давно приходилось расходиться во взглядах с остальными членами Совета академии. Поэтому <...> ход вещей пришел к своему логическому концу: я оказался не у дел и меня увольняют»⁸⁷. С этого времени Никольский с академией больше не имел никаких связей и отношений. И на церковную тематику он практически больше не писал.

Вклад профессора Н.К. Никольского в церковно-историческую науку огромен. Его влияние и авторитет среди студентов были также очень высоки,

84. Магистерский коллоквиум В.М. Верюжского в нашей академии // Церковный вестник. 1908. №23. Стлб. 702. Верюжский, окончивший столичную академию в 1898 г., свою кандидатскую диссертацию писал под руководством протоиерея Павла Николаевского. См.: *Николаевский П., прот.* Отзыв о сочинении студента Верюжского Василия на тему: «Афанасий архиепископ Холмогорский» // ЖЗС СПбДА за 1897–1898 уч. г. СПб., 1899. С. 191–194.

85. *Никольский Н.К.* К вопросу о церковной реформе // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 177–203.

86. ЖЗС СПбДА за 1908–1909 уч. г. СПб., 1909. С. 366–367.

87. Слово. 1909. 9 июня. № 831.

что подтверждается не только количеством студенческих работ, написанных под его руководством, но и следующим фактом. Осенью 1905 г., когда студенты бастовали и не ходили на занятия, именно Никольский от имени Совета академии вел с ними переговоры и давал обещания о выполнении священноначалием тех или иных требований и предложений студенческой корпорации. Вот как он сам говорил об этом уже после своего увольнения: «Без свободы науки при новом режиме, который вводился Синодом, в академии я лично оставаться бы не мог, так как этот режим вполне противоречит тому, который был обещан и относительно которого я давал в свое время уверения студентам, что он будет введён»⁸⁸.

Своей жене Никольский писал о своем уходе: «Оставаться в академии я ни в коем случае не мог бы. Одним из результатов ревизии явилось уничтожение права на свободу научных изысканий. Все профессора подчиняются строгому контролю: начинается, очевидно, эра доносов. <...> Служить в церковно-приходской школе, носящей громкое название Академии, едва ли будет возможным, не компрометируя себя. Помимо этого я помню, что в свое время — доверяя официальным обещаниям, я ручался перед студентами, что обещание реформировать устав в духе “автономии” будет выполнено»⁸⁹. Сложно судить, насколько прикрытое обещанием, данным в 1905 г. студентам, было искренним. Возможно, это была банальная попытка подвести более-менее приличную доказательную или даже оправдательную базу под свое увольнение за чрезмерно либеральные взгляды, ведь до этого Никольский писал даже обер-прокурору Св. Синода С.М. Лукьянову, пытаясь ответить на все обвинения, выдвинутые против него. Как бы то ни было, но в одном Никольский был прав: в академии наступала «эра доносов». Причем эра эта была официально зафиксирована и прописана в правилах поведения студентов академии. Так, с 1911 г. из среды студентов избирался и назначался на каждую неделю дежурный по аудитории, который от дежурного помощника инспектора получал специальные журналы для записи содержания лекций профессоров. В субботу вечером после Всенощной эти журналы надлежало сдавать опять помощнику инспектора⁹⁰. Далее эти журналы поступали на просмотр ректору академии,

88. *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 181–182.

89. *Крапошина Н.В.* Академик Н. К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии... СПб., 2010. С. 109–110.

90. Правила для студентов С.-Петербургской Духовной Академии, составленные Правлением Академии на основании §§ 189 и 125 б.4. Устава Православных Духовных



Рис. 6. Профессор Б.В. Титлинов, занимал кафедру с 1909 по 1918 гг.

который и нес, согласно новому академическому уставу 1910–1911 гг., ответственность за направление преподавания профессоров всех кафедр в академии.

«Историк-деталист».
Профессор Борис Васильевич Титлинов (1879—после 1944). Итак, в 1909 г. Совет академии вновь был поставлен перед необходимостью провести очередные выборы на вакантную кафедру русской церковной истории. На этот раз дело прошло довольно быстро и, главное, спокойно. В сентябре новым преподавателем в звании доцента был избран упоминавшийся выше преподаватель Литовской духовной семинарии магистр богословия Борис Васильевич

Титлинов — чрезвычайно настойчивый, трудолюбивый и талантливый исследователь и ученый.

Настойчивость Титлинова подтверждается следующими фактами. Окончив Санкт-Петербургскую академию в 1903 г., он на год был оставлен профессорским стипендиатом⁹¹. Далее по направлению Борис Васильевич был назначен преподавателем Литовской семинарии, где ему пришлось преподавать предметы, далекие от истории, а именно философию, психологию и педагогику. Кроме того, Титлинов одновременно преподавал в первой Виленской гимназии и в химико-техническом училище. Однако в ноябре 1904 г. в столичной академии открылась должность помощника библиотекаря. Титлинов сразу же подал прошение, но из десяти кандидатов

Академий. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1911. С. 11.

91. См.: Жукович П.Н. Отзыв об отчете профессорского стипендиата по кафедре Русской гражданской истории Бориса Титлинова... С. 167–169.

на вакантное место Совет академии выбрал тогда А.П. Кроткова⁹². В 1905–1906 гг., как уже говорилось выше, Титлинов являлся одним из кандидатов на кафедру русской церковной истории. Но тогда Совет академии остановил свой выбор на профессоре Н.К. Никольском. В июне 1906 г. Титлинов вновь подал прошение. На этот раз он стал одним из пяти кандидатов на должность помощника инспектора. По итогам голосования на вакантную должность был избран Г.В. Прохоров⁹³, впоследствии занявший кафедру истории русской литературы (с 1912 г.)⁹⁴. Наконец, в 1909 г. Титлинов добивается своей цели и становится доцентом кафедры русской церковной истории СПбДА.

Потрясающая работоспособность Титлинова подтверждается тем, что он спустя всего два года после окончания академии он сумел подготовить, опубликовать и защитить магистерскую диссертацию («Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной Церкви») ⁹⁵. Справедливости ради, надо сказать, что кандидатская диссертация была написана им на ту же самую тему⁹⁶, оставалось только переработать ее — дополнить и исправить. С другой стороны, большая часть магистров богословия поступали точно таким же образом, представляя в качестве магистерских диссертаций свои переработанные и дополненные кандидатские сочинения. В 1909 г. Титлинов представил в Совет академии уже докторскую диссертацию на тему: «Духовная школа в России в XIX столетии»⁹⁷. Он торопился и хотел представить ее к 100-летию юбилею СПбДА. Эта чрезвычайно интересная работа была защищена только в 1911 г., но Святейший Синод на основании отзыва архиепископа Антония (Храповицкого) отказался утвердить Титлинова в искомой степени⁹⁸. Синодаль-

92. ЖЗС СПбДА за 1904–1905 уч. год. СПб., 1905. С. 87–88.

93. ЖЗС СПбДА за 1905–1906 уч. год. СПб., 1906. С. 242–244.

94. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 144–145.

95. Магистерский коллоквиум // Церковный вестник. 1905. № 40. Стлб. 1257–1259.

96. Жукович П.Н. Отзыв о сочинении студента Бориса Титлинова на тему: «Правительство имп. Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви» // ЖЗС СПбДА за 1902–1903 уч. год. СПб., 1903. С. 307–310.

97. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. первый. (Время Комиссии Духовных Училищ). К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вильна: Тип. «Русский Почин», 1908; Он же. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. второй. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Вильна: Тип. «Артель Печатного Дела», 1909.

98. См. подробнее: Карпук Д.А. «Дело» профессора СПбДА Б.В. Титлинова в контексте истории русской богословской науки в конце XIX — начале XX вв. // Доклад на XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ло-

ный рецензент даже пошел на беспрецедентный шаг и опубликовал свой отзыв на страницах ежедневной газеты «Колокол». Титлинов вынужден был ответить, результатом чего стала публичная полемика и знакомство церковной общественности со взглядами молодого и перспективного церковного историка. Постигшая неудача не остановила Бориса Васильевича. В 1916 г. он опубликовал и теперь уже успешно защитил новую докторскую диссертацию общим объемом 1197 страниц на тему: «Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский»⁹⁹.

Звездный час Титлинова наступил в 1917 г., когда он стал одним из доверенных лиц небезызвестного обер-прокурора Святейшего Синода Временного Правительства В.Н. Львова¹⁰⁰. Именно в это время Б.В. Титлинов был отправлен в качестве ревизора в Московскую духовную академию¹⁰¹. В марте 1917 г. Титлинов становится редактором официального органа Русской Православной Церкви ежедневной газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник». Материалы в «Вестнике» подавались исключительно в либеральных тонах, что впоследствии на заседаниях Поместного собора в октябре 1917 г. вызвало настоящий скандал. Тогда Титлинов, которого называли едва ли не узурпатором газеты, был уволен с занимаемой должности¹⁰². Известны речи Титлинова на Соборе по вопросу о патриаршестве. Так, в своем выступлении 21 октября / 3 ноября 1917 г. Борис Васильевич сам факт ожесточенных споров по поводу восстановления патриаршества истолковал как аргумент против восстановления данного института: «Раз на патриаршество существует столько различных взглядов, раз патриаршество вызывает такие страстные прения и возражения против себя и еще более страстную защиту, значит, в нем есть момент психологиче-

моносов»; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 13 апреля 2010 г. / URL:<http://pstgu.ru/news/smi/2010/12/16/26757/> (дата обращения: 24.01.2015).

99. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3870. Л. 22–24.

100. А.В. Карташёв, как известно, в марте 1917 г. был назначен товарищем, т.е. заместителем, обер-прокурора В.Н. Львова. *Бычков С.П.* Карташёв Антон Владимирович // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. XXXI. С. 374.

101. *Голубцов С., протодиак.* Московская Духовная Академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века. М., 1999. С. 60–63; *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. С. 327.

102. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 2: Деяния XVII–XXX. М., 1993; *Карлук Д.А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. №4. С. 70–76.

ски разъединяющий, и он опасен, как семя раздора»¹⁰³. Вместе с тем, когда стало известно об убийстве царской семьи, Титлинов выступил на Соборе с критикой этого деяния советской власти, с которой ему вскоре пришлось очень тесно сотрудничать в рамках обновленческого раскола. Тогда же, 6/19 июля 1918 г., на третьем частном совещании членов Собора Титлинов заявил буквально следующее: «Преступление налицо, и на него нельзя не отозваться не только Собору, но и каждому человеку. Но мало отслужить по убиенному бывшему государю панихиду или даже, как некоторые предлагают, 40 панихид. Нравственное достоинство Собора обязывает его к тому, чтобы заклеить это преступление и соответствующим словом. Долг Собора пред лицом русского народа и пред лицом всего мира возвысить голос против этого акта неслыханной жестокости»¹⁰⁴.

После вынужденного закрытия СПбДА в декабре 1918 г. Титлинов какое-то время преподавал на кафедре истории религии историко-филологического факультета Петроградского университета, затем в Вологодском пролетарском университете и в Вологодском институте народного образования. С 1924 г. Титлинов уже профессор, позже проректор и ректор обновленческого Высшего богословского института в Ленинграде¹⁰⁵. Одновременно с этим в 1926–1928 гг. Титлинов работал помощником библиотекаря Русского отделения Публичной библиотеки.

Сложно оценивать церковно-общественную и научно-исследовательскую деятельность Титлинова. К сожалению, серьезных исследований этой темы в настоящее время еще нет. Поэтому ограничимся весьма любопытным и примечательным свидетельством из монографии А. Краснова-Левитина и В. Шаврова, где о Титлинове говорится следующее: «Крупный эрудит в области церковной истории, человек острого, скептического ума и холодного темперамента, колкий и надменный, он представлял собой тип светского человека, случайно, помимо воли, благодаря происхождению и образованию, связанного с церковью. <...> Он не переносил варварских нравов русского духовенства, из которого вышел. В качестве панацеи

103. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 93.

104. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М., 2000. С. 49.

105. См.: Шилов Л.А. Титлинов Б.В. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб. 1999. Т. 2. С. 584–589.

от всех зол он предлагал “демократические реформы”, в силу которых и сам не верил»¹⁰⁶.

Будучи избранным на кафедру церковной истории в 1909 г., Б.В. Титлинов в 1911 г. был поставлен священноначалием перед серьезным выбором. Дело в том, что новый академический устав 1910–1911 гг. предполагал, что большая часть профессоров академии должна быть в священном сане. Между тем к концу 1911 г. в составе членов профессорско-преподавательской корпорации Петербургской духовной академии, если не считать ректора, было только три человека в священном сане. Поэтому со стороны высшей церковной власти было сделано предложение назначать на освободившиеся вакантные должности экстраординарных и ординарных профессоров только тех молодых доцентов, которые согласятся принять священный сан. Именно такое предложение и было в ноябре 1911 г. озвучено Титлинову, как условие назначения на должность экстраординарного профессора. Титлинов ответил отказом: «Требование нового устава о принятии св. сана кандидатами в экстраординарные профессора для меня представляется совершенно неожиданным. Но если бы даже вообще в будущем я и решился принять на себя высокое звание священства, то принимать это звание в настоящее время я не имею намерения, а делать это под давлением внешней необходимости не позволяет мне нравственное чувство и уважение к самому св. сану, который требует добровольного расположения и особых условий, какие не создаются стечением внешних обстоятельств»¹⁰⁷. Тогда на должность экстраординарного профессора был избран священник А.В. Петровский. Что же касается Титлинова, то Совет академии счел нужным обратиться к правящему архиерею с прошением ходатайствовать перед Св. Синодом об утверждении доцента Б.В. Титлинова в должности исполняющего должность экстраординарного профессора. Положительное решение позволило бы Титлинову, женатому и имеющему детей, получать не 1200, а 2000 рублей в год. Впрочем, и этого, по столичным меркам, было уже недостаточно. Синод счел ходатайство Совета академии и митрополита справедливым и летом 1912 г. просьбу удовлетворил¹⁰⁸.

После принятия нового академического устава Титлинову пришлось не только читать лекции, но и проводить практические занятия по своему предмету, т.е., говоря современным языком, семинары. В лекционном

106. *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е – 30-е гг. XX в.): в 3 т. Париж, 1978. Т. 1. С. 25–26.

107. ЖЗС СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912. С. 116.

108. ЖЗС СПбДА за 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. С. 6.

курсе, рассчитанном на два года, Титлинов рассказывал об отношениях между Греческой и Русской Церквями, о государственном и общественном значении духовенства, о состоянии монашества, духовного просвещения и религиозно-нравственной жизни в разные периоды отечественной церковной истории. В своих лекциях Титлинов не избегал темных сторон в истории Церкви, а иногда даже специально акцентировал на них внимание. Однако, опять же, Титлинов в своих лекциях, как и все его предшественники, не касался Синодального периода, хотя именно это эпоха была сферой его научно-исследовательских интересов. Во время практических занятий студенты представляли рефераты по отдельным вопросам, штудировали «Истории» митрополита Макария (Булгакова) и профессора Е.Е. Голубинского, просматривали целый ряд наиболее важных церковно-исторических и канонических первоисточников¹⁰⁹.

Студенты довольно активно писали свои кандидатские диссертации под руководством Титлинова. За период с 1910 по 1915 гг. у Титлинова занималось 20 человек. Кроме того, Б.В. Титлинов выступал официальным оппонентом на магистерских коллоквиумах¹¹⁰ и рецензентом докторских диссертаций¹¹¹. Вне всякого сомнения, ему, в отличие от А.В. Карташёва, удавалось совмещать активную церковно-общественную деятельность с научными изысканиями. К сожалению, революционные события 1917 г. вовлекли Бориса Васильевича во фракционную внутрицерковную борьбу, которая закончилась для него уходом в обновленчество.

109. Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 26; Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911. С. 31; Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1912. С. 37, 48; Отчет о состоянии СПбДА за 1912 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 32–33, 44; Отчет о состоянии Императорской Санкт-Петербургской духовной академии за 1913 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. С. 21, 36–37; Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1914 г. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1915. С. 28, 42–43; Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1915 г. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. С. 34, 46; Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1916 г. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1917. С. 15–16, 28–29.

110. *Титлинов Б.В.* Отзыв о представленном на соискание степени магистра богословия свящ. М. Попова: «Арсений Мацеевич и его дело» // ЖЗС СПбДА за 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. С. 103–110.

111. *Титлинов Б.В.* Отзыв о представленном на соискание степени доктора церковной истории сочинении К.В. Харламповича: «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Том I. Казань, 1914» // ЖЗС СПбДА за 1913–1914 уч. г. СПб., 1916. С. 287–305.

* * *

Подводя итог, можно отметить, во-первых, что практически все профессора (за исключением А.В. Карташёва) блестяще проявили себя в качестве ученых-исследователей именно занимая кафедру русской церковной истории. Каждый из профессоров работал над конкретным периодом и занимался разработкой определенных тем. Обобщающих работ по истории Русской Церкви за более чем полуторавековой период в СПбДА издано не было. Известные «Очерки» Карташёва появятся гораздо позже — уже в эмиграции, в 1959 г. Вместе с тем, выявление и сопоставление взглядов профессоров СПбДА на историю Русской Церкви вполне возможно при условии тщательной проработки и сличения сохранившихся рукописных студенческих записей лекционных занятий¹¹².

Во-вторых, занятие церковно-историческими вопросами не отгораживало академических наставников от церковно-общественной деятельности. Трое из четырех профессоров кафедры русской церковной истории (за исключением протоиерея Павла Николаевского) активно участвовали в церковно-общественных дискуссиях, в том числе на страницах светской и церковной периодической печати. За это, а точнее за свои либеральные взгляды, двое были уволены из академии, а Б.В. Титлинов впоследствии вообще, к сожалению, стал одним из идеологов обновленческого движения.

В-третьих, каждый из профессоров уделял много внимания работе со студентами при написании выпускных кандидатских диссертаций. За период с 1889 по 1915 гг. на кафедре было защищено 90 работ. Справедливости ради надо отметить, что многие студенты писали работы по истории Русской Православной Церкви и на кафедре гражданской русской истории, которую с 1891 г. занимал профессор П.Н. Жукович. На этой, как выясняется, «конкурирующей» кафедре под руководством Платона Николаевича

112. См.: *Николаевский П., прот.* Чтения из истории Русской Церкви с древних времен до конца XVI века. СПб., 1897; *Он же.* Конспект чтений по истории Западно-русской Церкви в С.-Петербургской духовной академии за 1891/92 учебный год. СПб., 1891; *Он же.* Лекции по русской церковной истории, читанные студентам С.-Петербургской духовной академии профессором, протоиереем П.Ф. Николаевским в 1890/1 году. СПб., 1891; *Карташёв А.В.* Русская Церковь. История. СПб., 1902; *Он же.* Экзаменационный конспект по истории Русской Церкви для студентов III и IV курсов 1902–1903 учеб. год. СПб., 1903.

с 1891 по 1915 гг. было написано и успешно защищено 124 кандидатских диссертации¹¹³.

В-четвертых, представленный краткий обзор истории одной из академических кафедр позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время необходимо более интенсивно продолжать изучение деятельности профессоров академии, сравнивая их наработки с исследованиями других церковных историков того же времени, выявляя их взаимные контакты и т.д. Кроме того, ценный и абсолютно неизученный пласт представляют собой студенческие кандидатские диссертации выпускников СПбДА, часть из которых сохранилась в ОР РНБ и ЦГИА СПб.¹¹⁴ То же, что не сохранилось, хотя бы отчасти можно изучить и проанализировать на основании отзывов научных руководителей, которые печатались в «Журналах заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии».

Источники и литература

1. *Богданова Т.В.* Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010.

2. *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011.

3. *Бычков С.П.* Антон Владимирович Карташёв — историк Русской Православной Церкви. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.

4. *Бычков С.П.* Карташёв Антон Владимирович // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. XXXI. С. 373–377.

5. *Бычков С.П.* О термине и значении предмета русской церковной историографии // Вестник Омского университета. 2010. №2. С. 188–193.

6. *Голубцов С., протодиак.* Московская Духовная Академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века. М., 1999.

7. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1913. № 46. Стлб. 1442–1443.

8. Журналы заседаний Совета [Императорской] СПб[Пг]ДА за... [1887–1914] г. СПб.(Пг.), 1892–1915.

9. *Золаев А.Л.* Исторические воззрения А.В. Карташёва и историография русского зарубежья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

10. *Иннокентий (Павлов), иером.* С.-Петербургская духовная академия как церковно-историческая школа // Богословские труды. Юбилейный сборник. Ленинградская Духовная академия: 175 лет. М., 1986. С. 211–268.

113. См.: *Карпук Д.А.* Изучение истории Киевской митрополии в Санкт-Петербургской духовной академии... С. 174–176.

114. ОР РНБ. Ф. 573; ЦГИА СПб. Ф. 277.

11. Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001.
12. Карпук Д.А. «Дело» профессора СПбДА Б.В. Титлинова в контексте истории русской богословской науки в конце XIX — начале XX вв. // Доклад на XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 13 апреля 2010 г. / URL:<http://pstgu.ru/news/smi/2010/12/16/26757/> (дата обращения: 24.01.2015).
13. Карпук Д.А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210–251.
14. Карпук Д.А. Изучение истории Киевской митрополии в Санкт-Петербургской духовной академии в конце XIX — начале XX в. // Труды Киевской Духовной Академии. 2014. № 21. С. 167–178.
15. Карпук Д.А. История кафедры гомилетики Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 156–206.
16. Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс. ... канд. богословия. СПб., 2008.
17. Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 4. С. 41–89.
18. Карпук Д.А. Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской духовной академии (вторая половина XIX — начало XX веков) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2(4). С. 280–293.
19. Карташёв А.В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 909–922; № 7. С. 77–93.
20. Кирилл (Гундяев), архиеп. Богословское образование в Петербурге – Петрограде – Ленинграде: традиции и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник. Ленинградская Духовная академия: 175 лет. М., 1986. С. 6–34.
21. Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
22. Крапошина Н.В. Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под. ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 172–206.
23. Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е — 30-е гг. XX в.); в 3 т. Париж, 1978. Т. 1.
24. Магистерский коллоквиум // Церковный вестник. 1905. № 40. Стлб. 1257–1259.
25. Магистерский коллоквиум В.М. Верюжского в нашей академии // Церковный вестник. 1908. № 23. Стлб. 700–706; № 24. Стлб. 737–743; № 26. Стлб. 802–807; № 28. Стлб. 858–863.

26. Николаевский П., прот. Лекции по русской церковной истории, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1898–1899 учебном году. СПб., 1899.

27. Никольский Н.К. К вопросу о церковной реформе // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 177–203.

28. Ореханов Г., свящ., Фирсов С.Л. Боярский Александр Иванович // Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 133–135.

29. Отчет о состоянии СПб[Пг]ДА за... [1891–1916] г. СПб.(Пг.), 1892–1916.

30. Памяти протоиерея Павла Феодоровича Николаевского, доктора церковной истории и ординарного профессора С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1899.

31. Правила для студентов С.-Петербургской Духовной Академии, составленные Правлением Академии на основании §§ 189 и 125 б.4. Устава Православных Духовных Академий. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1911.

32. РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Ч. 1. 1906 г. Д. 674.

33. Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1907.

34. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002.

35. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М., 2000.

36. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 2. Деяния XVII – XXX. М., 1993. Репринт.

37. Слово. 1909. 9 июня. № 831.

38. Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб. 1999. Т. 2.

39. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3870.

40. Цьолка И. Профессор-протоиерей Павел Федорович Николаевский и его церковно-исторические труды. Дипл. соч. Л.: ЛДА, 1985.

41. Щеглов Г.Э. Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск: ВРАТА, 2008.